

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

1. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Начало холодной войны

Холодная война двух послевоенных сверхдержав не была эпизодом, подобно другим современным войнам. Термин «холодная война» был изобретен, чтобы описать сложившееся состояние дел, для которого прежде всего характерны взаимная враждебность и страх. Эти чувства коренились в ряде исторических и политических различий между сверхдержавами и во многом подогревались мифами, что время от времени превращало враждебность в ненависть. В международных делах холодная война доминировала на протяжении жизни целого поколения.

Президент Франклин Д. Рузвельт верил или, по крайней мере, надеялся, что сможет убедить Иосифа Сталина не создавать отдельной советской сферы влияния в Восточной Европе, а вместо этого сотрудничать с Соединенными Штатами в формировании мирового экономического порядка, основанного на свободной торговле и выгодного для всех участвующих сторон — в не меньшей степени и для СССР. Первым шагом был ленд-лиз, предоставленный во время войны СССР; послевоенный план Маршалла был последней слабой надеждой, поскольку даже после смерти Рузвельта в апреле 1945 года в Вашингтоне еще оставались люди, которые предпочитали проводить политику восстановления Западной Европы без военной конфронтации с СССР.

Но большинство американцев считало, что СССР стремится подчинить себе и коммунизму Европу и весь мир и что он способен осуществить этот разрушительный и зловещий курс — или по меньшей мере приступить к его осуществлению, — используя вооруженную силу и подкрепляя ее подрывной деятельностью. Ввиду этого, а также исходя из предположения, что враждебность Советов неискоренима, неизбежной ответной реакцией со стороны Соединенных Штатов было военное противостояние в союзе с европейскими и другими странами.

И напротив, как представлялось Москве, западный мир вдохновлялся идеями и ценностями капиталистического общества, которые означали, что СССР должен быть разрушен, а коммунизм искоренен любыми доступными средствами, и прежде всего силой или угрозой применения подавляющей силы. Обе эти установки были абсурдны. Когда закончилась Вторая мировая война, СССР был не в состоянии продолжать военные действия, а коммунистические партии за пределами его непосредственной сферы влияния были неспособны достичь чего-либо существенного.

Западные державы, со своей стороны, испытывали глубокое недоверие к СССР и враждебность к его системе и идеологии, но, тем не менее, не намеревались на него нападать и даже не собирались оспаривать его господствующие позиции в Центральной и Восточной Европе, завоеванные его войсками в последний год войны. Каждая сторона вооружалась, чтобы выиграть войну, которую, как они считали, начнет другая, но для ведения которой у каждой из них не было решимости.

В фокусе холодной войны находилась Германия, где конфронтация из-за Берлина в 1948–1949 годах дошла почти до вооруженного конфликта, но закончилась победой западной стороны без военного столкновения. Такое контролируемое испытание силы упорядочило ситуацию в Европе, которая стала наиболее стабильным районом мира на несколько десятилетий, но почти одновременно военные действия переместились в Азию, начиная с триумфа коммунизма в Китае и войны в Корее.

Эти события, в свою очередь, ускорили становление Западной Германии как самостоятельного государства и ее перевооружение в рамках нового европейско-американского союза, а также привели к ряду конфликтов в Азии, из которых наиболее разрушительным стала вьетнамская война. Противоборствующие стороны нигде непосредственно не выступали друг против друга, но стремились расширить свое влияние и заполучить территориальные преимущества в прилегающих частях мира, особенно на Ближнем Востоке, а после деколонизации — в Африке. Ни одна из этих акций не имела решающего значения, и почти столетия главным внешним проявлением холодной войны были не продвижение или отступление, а накопление и совершенствование средств, с помощью которых обе стороны пытались запугать друг друга, иными словами — гонка вооружений. Ослабление холодной войны произошло в результате совокупного воздействия двух причин: огромной стоимости этих вооружений и постепенного рассеивания мифов, составлявших ее подоплеку.

Летом 1945 года и в Вашингтоне, и в Москве знали, что Япония готова признать поражение и прекратить войну, которую она начала нападением на Пёрл-Харбор в 1941 году. В июле американцы произвели первый в истории человечества испытательный взрыв ядерного оружия, а в августе сбросили две бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Япония быстро капитулировала, и вырванная таким образом американцами победа свела роль России лишь к символическому участию в послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке.

На европейской сцене этот конфликт в течение короткого периода времени оставался завуалированным, поскольку обе стороны должны были приспособиться к решению проблем послевоенного мира сложившиеся механизмы сотрудничества военного времени, а не отбрасывать их. После весеннего на-

ступления 1944 года СССР добился военного превосходства и обрел такой политический авторитет в Европе, какого не было с тех пор, как Александр I в 1814 году въехал в Париж с планами установления и поддержания порядка в Европе согласованными усилиями держав-победительниц.

Предметом дебатов на этот раз был характер контроля, который должны были осуществлять великие державы в середине XX столетия, — в какой мере они должны сообща распоряжаться в мире, а также в какой мере каждая из них должна господствовать в своем секторе. Русские и англичане при неохотном согласии президента Рузвельта (и при несогласии его государственного секретаря Корделла Халла) обсуждали практические аспекты прямого разграничения ответственности, и в октябре 1944 года на встрече в Москве, на которой президент не мог присутствовать в связи с избирательной кампанией в Соединенных Штатах, выработанные ими положения были представлены в цифрах.

Относительно Западной Европы никаких вопросов не возникало, поскольку контроль западных государств был там неоспоримым. Польша также не рассматривалась в этой связи, так как некоторые ее районы фактически уже находились под военным контролем Сталина, а остальным вот-вот предстояла та же участь.

В других странах реальное положение было выражено Уинстоном Черчиллем в следующих пропорциях: влияние русских в Румынии оценивалось в 90 %, в Болгарии и Венгрии — в 80 %, в Югославии — в 50 %, в Греции — в 10 %. На практике эти цифры, хотя они и выглядели как результат торга, означали, что 90 и 10 — вежливая форма выражения 100 и 0, и такой вывод в двух крайних случаях (относительно Румынии и Греции) был подтвержден, когда англичане стали контролировать Грецию, не вызвав протеста русских, а СССР установил прокоммунистический режим в Румынии, вызвав лишь формальный протест американцев или англичан. Болгария и Венгрия разделили судьбу Румынии по причинам военного характера.

Казалось, что Югославия также попадет в сферу влияния русских, однако вскоре она вышла из нее. Европа была разделена на две части, тяготеющие к двум главным победителям — Соединенным Штатам и СССР. В течение некоторого времени обе державы продолжали вести переговоры на языке союзников и конкретно обязались сотрудничать в управлении немецкой и австрийской территориями, завоеванными ими и их союзниками.

В эти годы положение СССР было чрезвычайно ослаблено. Для СССР война стала колоссальной экономической катастрофой, сопровождавшейся такими огромными людскими потерями, что их масштабы полностью еще не раскрыты. Российское государство было континентальной державой, которая из поколения в поколение расширялась в пределах территории, над которой постоянно висела угроза со стороны Германии. В советский период истории русская внешняя политика характеризовалась дипломатией, которая привела к изоляции страны, а в 1941 году поставила ее на грань полного военного поражения. Спасли СССР его чрезвычайно богатые географические и духовные ресурсы, а также шедшая в это время война на Западе, в которую немцы вступили еще до нападения на СССР и которая стала для них еще тяжелее, когда вскоре Гитлер без всяких причин объявил войну Соединенным Штатам Америки. Однако антифашистская коалиция 1941–1945 годов вряд ли могла восприниматься Сталиным иначе как «брак по расчету» на ограниченный срок; она не выглядела

ничем иным и с точки зрения Запада, во всяком случае в глазах правительств, если не общественности.

С окончанием войны цель коалиции была достигнута, и не было предпосылок к ее дальнейшему развитию и дружескому согласию; наоборот, история дипломатии всех участвовавших сторон вплоть до 1941 года и их отношение к международным политическим, социальным и экономическим проблемам свидетельствует об обратном.

Устранение немецкой угрозы совпало со взрывами первых американских атомных бомб. Впервые в истории человечества одно государство стало более могущественным, чем все другие государства, вместе взятые. СССР находился по отношению к американцам не в лучшем положении, чем самое заурядное государство, если бы те захотели сделать с Москвой и Ленинградом то, что сделали с Хиросимой и Нагасаки. Есть основания полагать, что они этого не хотели*, но ни одно правительство в Кремле не могло ответственно действовать исходя из такого предположения.

В этой крайне неблагоприятной обстановке Сталин избрал единственно благоразумный курс, сочетая максимальное укрепление СССР с точной оценкой допустимого уровня провоцирования Соединенных Штатов и подчиняя все, включая послевоенное восстановление, цели догнать американцев в области военной технологии. У Сталина была огромная армия, он оккупировал обширные районы Восточной и Центральной Европы, и у него были настоящие союзники среди коммунистов в различных частях мира.

Его задачи внутри страны были грандиозны: обезопасить СССР от повторения войны и возродить страну после катастрофы, которая унесла 25 млн или, возможно, 40 млн жизней**, привела к разрушению или смещению значительной части ее промышленности и к деформации промышленной структуры в ущерб всему, за исключением военного производства, а также к опустошению обрабатываемых земель и сокращению работоспособного населения, что снизило темпы производства продовольствия почти наполовину. Первый послевоенный пятилетний план ставил главным образом задачи, требующие напряженных усилий, перед тяжелой промышленностью, и мало что предусматривал для облегчения жизни населения, перенесшего тяжелейшую войну.

В области международных связей Сталин ясно дал понять, что территории, присоединенные в 1939–1940 годах в оборонительных целях, не подлежат возвращению (три балтийских государства; восточная половина Польши, которую русские называли Западной Украиной и Западной Белоруссией; Бессарабия и Северная Буковина, а также территория, отторгнутая от Финляндии после советско-финской войны); как в Восточной, так и в Центральной Европе все государства должны иметь правительства, дружественно настроенные к СССР, — туманная формула, по-видимому, обозначающая

* К настоящему времени известны планы президента Трумэна, основанные на реальных документах, предлагающие бомбардировки советских городов. Единственное, что помешало осуществлению этих намерений — изобретение Советским Союзом собственной атомной бомбы. — *Прим. ред.*

** Официальные цифры говорят о том, что во время Великой Отечественной войны СССР потерял около 27 млн чел. — *Прим. ред.*

те правительства, которые никогда больше не станут пособниками германской агрессии. Приблизительно после 1947 года эта формула стала обозначать правительства, твердо занимающие в холодной войне враждебную позицию по отношению к Соединенным Штатам. Такие правительства должны были быть созданы и поддерживаться любыми необходимыми средствами. Во время проведения в ходе войны конференций «большой тройки» часть территории СССР была все еще оккупирована немецкими войсками, и Сталин, несомненно, был одержим германской проблемой — как в период войны, так и некоторое время после нее, когда еще ощущались ее психологические последствия.

С наступлением холодной войны американцы вначале заменили немцев в качестве главного противника, но затем, после перевооружения Западной Германии, две угрозы слились в одну — американско-германскую. Такое развитие событий, чему сам Сталин способствовал своими действиями в Восточной и Центральной Европе, явно разошлось с его ожиданиями, поскольку он, как можно предполагать, одно время делал совершенно другие перспективы русско-американских отношений.

В период войны американцев в глазах Сталина олицетворял Франклин Д. Рузвельт, который не делал секрета из своего желания улучшить отношения с СССР или из своего недоверия к англичанам и другим западным империалистам. Более того, Рузвельт хотел вступить в союз с русскими против Японии и, по-видимому, вовсе не собирался делать то, чего опасался Сталин, а именно постоянно держать войска в Европе и превращать США в европейскую державу. Напротив, Рузвельта мало интересовала послевоенная Европа, и он почти не разделял, например, озабоченности Черчилля относительно того, что произойдет в Польше и Греции.

В то время как советско-британские отношения оказались на грани разрыва из-за Польши, советско-американские отношения не пострадали. И Сталин — то ли из-за действительного отсутствия интереса, то ли из соображений расчетливой дипломатии — избегал серьезных разногласий с Рузвельтом в связи с проблемами создания всемирных организаций (например, представительства советских республик в ООН), в чем Рузвельт был серьезно заинтересован.

Сталин был готов умерить свою поддержку европейским коммунистам, чтобы не вызывать тревогу у американцев, если Соединенные Штаты будут вдали от Европы и в какой-то степени дружественны СССР. Советский лидер не смог предвидеть, что, уступая Грецию Великобритании, готовит почву для ее передачи в течение трех последующих лет Соединенным Штатам. Возможно, отказ Сталина помочь греческим коммунистам в основном был результатом обдуманного вывода о том, что им не следует оказывать помощь, а может быть, он считал, что это вызовет тревогу и раздражение американцев из окружения Рузвельта.

В Югославии Сталин по-прежнему придерживался политики, проводимой им во время войны, когда он сдерживал стремление югославских коммунистов осуществить социальную революцию, пока еще идет война, и настоятельно рекомендовал им сотрудничать с другими партиями, даже с монархистами. Так же настойчиво он убеждал итальянских коммунистов меньше проявлять антимонархические настроения, чем некоммунистическая Партия действия; и именно коммунистический лидер Пальмиро Тольятти после падения Мус-

солини предложил не решать до окончания войны вопрос о будущем итальянской монархии.

Однако к тому времени Рузвельт умер, и какова бы ни была политика Сталина по отношению к Соединенным Штатам, она не могла больше основываться на его отношениях с Рузвельтом и на оценках его намерений. Даже если бы Рузвельт был жив, его политика могла радикально поменяться (как это и произошло с политикой Гарри С. Трумэна, который стал преемником Рузвельта в апреле 1945 года) в связи с успешным взрывом двух атомных бомб и эволюцией политики Сталина в Европе.

Для Сталина, столкнувшегося в августе 1945 года с тем, что произошло в Хиросиме и Нагасаки, самым важным оказался тот факт, что у СССР нет стратегических военно-воздушных сил, способных совершить прямое нападение на Соединенные Штаты. Самое большее, что мог сделать Сталин, это создать угрозу Западной Европе, что, возможно, удержало бы американцев от нападения на СССР. Русские армии не были демобилизованы или выведены из районов, оккупированных ими в ходе последних военных кампаний, где находились столичные города — Будапешт, Прага, Вена и Берлин.

Таким образом, Сталин создал буферную зону перед уязвимыми для нападения участками страны и в то же время заставил измученных и запуганных европейцев и их американских защитников всерьез задуматься о том, действительно ли наступление русских остановлено поражением Германии или оно может быть возобновлено, пока Париж и Милан, Брест и Бордо не будут присоединены к списку русских завоеваний. Однако, сохранив огромную армию и поставив большую часть Центральной и Восточной Европы в вассальную зависимость, при этом направив русские деньги и умы на производство собственной бомбы, Сталин лишь усугубил враждебность американцев, которой он имел основания опасаться.

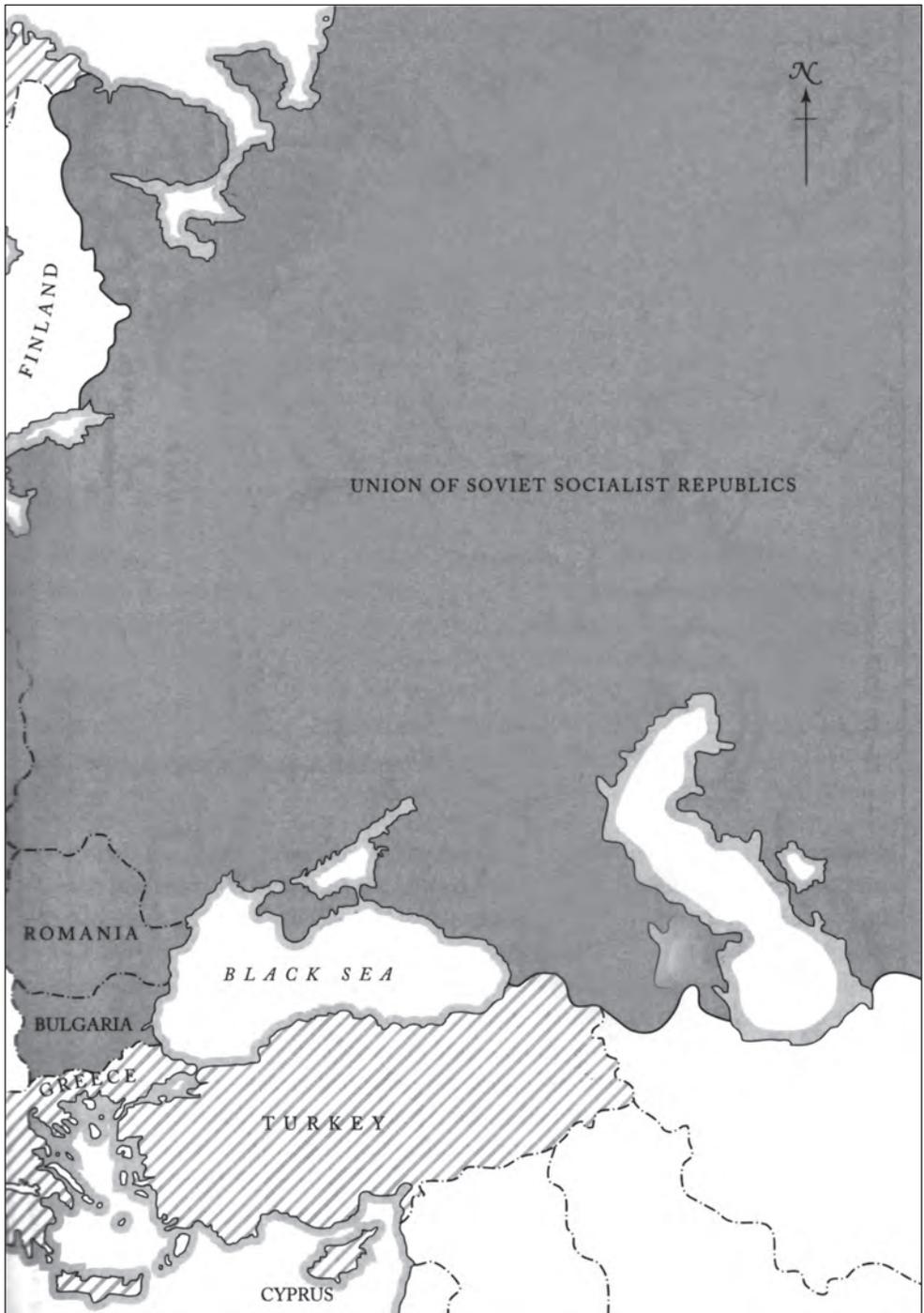
Кремль не мог не поставить перед собой цель достижения ядерного паритета. Однако, по крайней мере теоретически, этому существовала альтернатива, которую кое-кто из американцев попытался перевести в плоскость практической политики, а именно интернационализировать атомную энергию, придав ей особый статус, и таким образом вывести ее из сферы межгосударственной политики. Одним из первых шагов Организации Объединенных Наций (далее — ООН) в этом направлении было создание в 1946 году Комиссии по атомной энергии.

На первом ее заседании Бернард Барух от имени Соединенных Штатов представил план создания международного органа по развитию атомной энергии, который осуществлял бы исключительный контроль над всей потенциальной деятельностью по использованию атомной энергии в военных целях. Русские предложили иной план. Эти два плана были несовместимы, и в 1948 году Комиссия по атомной энергии решила прекратить свою работу на неопределенное время. Отклонение русскими плана Баруха явилось дополнительным фактором, убеждавшим Трумэна, что СССР больше не союзник, а опасный противник.

Американские политики обладали большей свободой выбора, чем их русские оппоненты. Атомная бомба была оружием, использованным для завершения войны с Японией, а также и политическим оружием для обуздания мощи России. Война сделала Соединенные Штаты могучей европейской державой со значи-

1.1. Разделение Европы вследствие холодной войны

тельными вооруженными силами, размещенными на континенте, и с атомным оружием в их основном арсенале. Имея мощное техническое превосходство, американцы могли либо нанести удар, либо угрожать, либо выжидать. Нанести удар, т. е. начать превентивную войну, было практически невозможно, они не могли решиться на это. Превентивная война — это война, предпринимаемая для устранения угрозы тем народом, который чувствует, что ему угрожают, а американцы не чувствовали угрозы со стороны русской боевой техники, и в силу этого концепция превентивной войны была абстрактной и надуманной (для русских она была реальной, но вместе с тем и самоубийственной). Поэтому американцы проводили политику, сочетавшую в себе угрозы и выжидание.

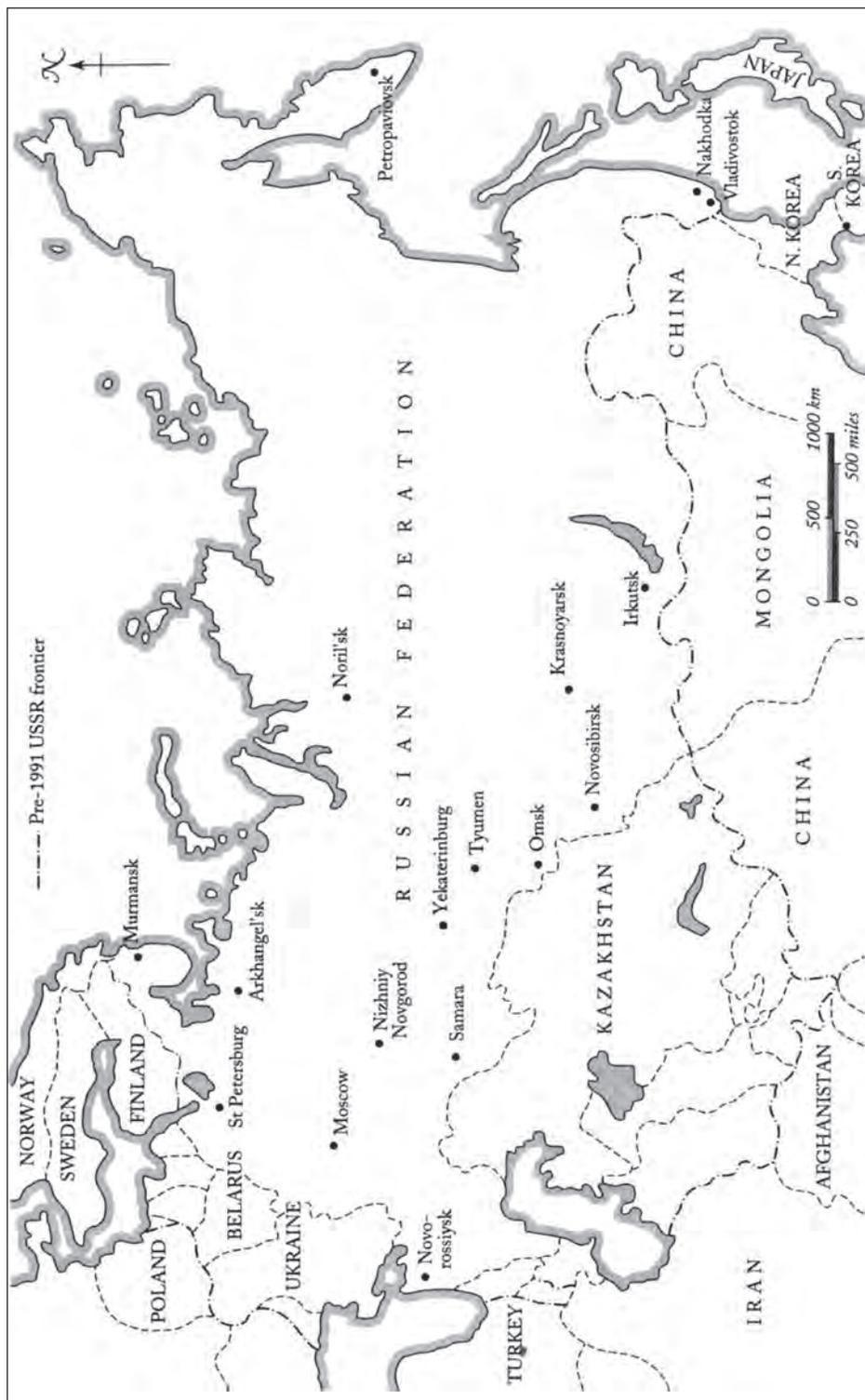
Применение любого оружия имеет политические последствия, а применение самого мощного — самые серьезные последствия. Оружие, которое слишком страшно применять или, как выясняется, с военной точки зрения бесполезно, кроме исключительных случаев, связано с серьезнейшими последствиями, поскольку его обладатели будут стремиться использовать его в политических целях, чтобы компенсировать особую ограниченность его военной применимости. Позиция Трумэна автоматически стала иной, чем позиция Рузвельта, как только была разрушена Хиросима. Вопрос заключался не в том, должен ли он использовать новое оружие в политических целях, а в каких политических целях он должен им воспользоваться. Впервые этот вопрос появился в европейском, а не в азиатском контексте, поскольку именно в Европе сохранялись главные политические проблемы.

Соединенным Штатам не пришлась по вкусу идея раздела мира на сферы влияния и, в частности, не нравились перспективы исключительно русского контроля над половиной Европы, поскольку русские нарушили обещания установить демократические правительства в странах, освобожденных от германского правления. К тому же изменялось общественное мнение.

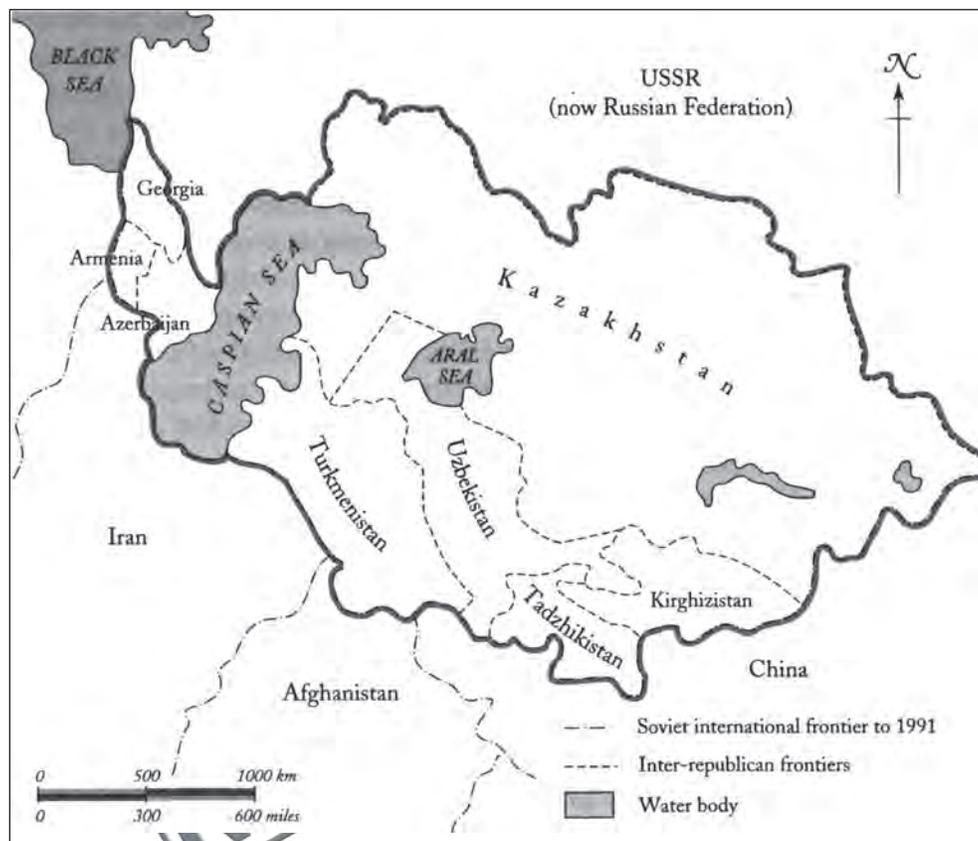
Трумэн очень сильно отличался от Рузвельта и осознавал эту разницу. Американец, занимающий высокий пост, но при этом не являющийся фигурой мирового масштаба, человек, уважаемый за свои качества, которому была свойственна скорее прямота, чем изысканность, а политическая решимость заменяла политическую утонченность, типичный американец, приверженный некоему набору элементарных принципов, где Рузвельт, как правило, предпочитал образ мышления прагматика, — Трумэн в итоге проводил политику как бы по предписанному, а не по чуткой реакции на происходящее, и там, где Рузвельт был озабочен проблемой отношений между двумя великими державами, для него главным был конфликт между коммунизмом и еще более расплывчатым понятием «антикоммунизм».

И опять-таки, насколько допустимы подобные обобщения, Трумэн был более типичным американцем конца 1940-х годов, склонным считать встречу американцев и русских в центре Европы противостоянием систем и цивилизаций, а не государств. А сообщения о недисциплинированности и варварских актах со стороны русских войск, зачастую подаваемые как действия азиатов или монголоидов, лишь усиливали эту предвзятость.

У Соединенных Штатов были причины надеяться, что воздействие Хиросимы на Европу не обошло и русских. По итогам выборов 1945 года в Венгрии коммунисты получили лишь незначительную долю мест в правительстве столицы

1.2. Российская Федерация и соседние государства

1.3. Пять среднеазиатских государств и Кавказ

и государства. Выборы в Болгарии были отложены по настоянию американцев и против желания русских. В Румынии Соединенные Штаты солидаризировались с антикоммунистами и королем против премьер-министра Петру Гроза, которого (хотя и некоммуниста) русские поставили у власти, когда в 1944 году вошли в страну.

Но главным испытательным полигоном была Польша, где коалиционное правительство во главе с премьер-министром — социалистом продержалось у власти до 1947 года, а затем постепенно трансформировалось в том же и последующем году, когда угасла всякая надежда предотвратить раздел Европы на сферы влияния и холодная война приобрела более четкие очертания.

Американские политики отказались от попыток максимально усилить американское влияние во всей Европе в пользу одной цели — дать понять СССР, что дальнейшие территориальные поползновения в Европе недопустимы. Этот запрет планировалось претворить в жизнь в ряде прямых политических договоренностей, подкрепленных военными демаршами, используя преобладающую мощь Соединенных Штатов для того, чтобы воспрепятствовать, а не разрушать.

В той мере, в какой СССР представлял собой материальную угрозу, его следовало удерживать, воздвигая перед ним физические барьеры, а в той мере, в какой он являл собой идеологическую угрозу, — противопоставлять ему образцы демократии, деньги и признаки разложения, которые Запад находил в коммунистической системе (как это делали марксисты в отношении капитализма). Но американская политика была также созидательной, направленной на восстановление. Администрацию помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА) в основном финансировали американцы; масштабы ее помощи были громадными, особенно в отношении СССР и Югославии.

В марте 1947 года Соединенные Штаты взяли на себя традиционно принадлежавшую Великобритании, а теперь ставшую слишком дорогостоящей для нее, роль силы, удерживающей русских подальше от Восточного Средиземноморья: Трумэн принял Грецию и Турцию «под крыло» американцев и обещал материальную помощь государствам, которым угрожал коммунизм. Три месяца спустя Соединенные Штаты выдвинули план Маршалла в целях предотвращения экономического краха Европы, который, как опасались многие, мог бы сделать весь континент беззащитным перед мощью русских и искушением коммунизма.

Предложение об оказании экономической помощи было сделано всем странам Европы, включая СССР, но Москва отказалась от этой помощи и за себя, и за своих сателлитов. Во второй раз — первым был план Баруха — русские отвергли щедрое предложение со стороны Вашингтона и не пошли на сотрудничество, которое позволило бы американцам, и не только им, свободно разъезжать по СССР и видеть его подлинное положение. Было подтверждено раздельное развитие Западной и Восточной Европы. Европа все еще была полем сражения, а не зоной, где только что закончилась еще одна война, как обычно представляли себе ее европейцы.

Переворот, в результате которого в Праге коалиционное правление сменилось коммунистическим, усилил ее сходство с полем боя. И хотя не было боевых действий, за исключением эпизодов местного и спорадического свойства, все сходилось в определении ситуации как состояния войны. Затем в Германии борьба за единственный важный район Европы в споре между двумя лагерями породила проблему, которая, казалось, непременно приведет к развязыванию военных действий.

Раздел Германии

В конце Второй мировой войны Соединенные Штаты, СССР и Великобритания как будто пришли к соглашению по двум позициям относительно Германии, ни одну из которых не удалось претворить в жизнь. В отношении Германии должны были действовать определенные ограничения, но при этом она должна была оставаться единым государством. Первое зависело от второго, которое шло вразрез с главными (в основном подсознательными) посылками о том, что, во-первых, Европа распалась на две части и, во-вторых, западные союзники и русские должны контролировать захваченные куски на своей половине.

Велись переговоры, и даже было достигнуто общее соглашение о совместном союзническом контроле над всей Европой, но реальная действительность с момента завоевания Сицилии в 1943 году выглядела иначе. В течение десяти следующих лет Германия оказалась расколотой на два отдельных государства в силу разных причин. Среди них: неспособность победителей прийти к согласию по германской проблеме, подлинная значимость самой Германии, а также ряд внешних обстоятельств, из которых корейская война была самым важным.

Таким образом, Германия, как и Европа в целом, тоже была разделена вследствие русско-американского соперничества в конференц-залах и на полях Европы, а также за ее пределами. Биполярность послевоенной политики великих держав с неизбежностью привела к разграничению и демаркации, а в знаменитом более позднем эпизоде — к возведению стены, что тактически напоминало античные проекты закрыть бухту Золотой Рог для прохода судов или Коринфский перешеек — для армий.

Вначале главные победители согласились, что Германия должна быть разоружена и денацифицирована, административно разделена на зоны оккупации, но экономически должна рассматриваться как единое образование, которое будет оплачивать необходимый импорт за счет текущей промышленной продукции. Расчленение Германии, которое первоначально обсуждалось и мысль о котором, возможно, витала в умах некоторых французов, было молчаливо отклонено без официального отказа от этой идеи. В результате территориальных потерь Германия лишилась Восточной Пруссии, которая отошла к СССР, и всех прочих территорий за Одером и Западной Нейсе, оставшихся под управлением Польши до окончательной делимитации границ германского государства на мирной конференции, которая так и не состоялась. Черчилль возражал против установления западной границы территории Польши по Западной вместо Восточной Нейсе (Западная Нейсе течет на север и впадает в Одер в точке, где тот резко поворачивает на восток), но он не мог настоять на этой явно антипольской позиции. Потсдамское решение по германским границам, хотя и сформулированное как временное, фактически явилось победой русских. Германия потеряла почти четверть территории, которой она обладала до 1938 года*.

Победители разошлись во мнениях по вопросам экономической политики в период оккупации и будущей структуры германского государства. Общие принципы экономического единства и сбалансирования импорта и производства, принятые в Потсдаме, пересеклись с проблемой репараций, которая не была до конца обсуждена в Ялте, а затем отложена в Потсдаме. В Ялте было решено: сумма в 20 млрд долл. должна быть взята за основу для дальнейшего обсуждения, причем на половину суммы СССР претендовал для себя и Польши.

* В 1944 году англо-американскими союзниками начал всерьез рассматриваться план по значительному сокращению невоенными методами немецкого населения, включая кастрацию, и превращению Германии в аграрную страну (план Моргентгау). Кроме того, планировалось разделить поверженное государство на пять или шесть частей. Однако в феврале 1945 года Сталин подобные инициативы отверг. — *Прим. ред.*

В Потсдаме русские, чьи запросы по репарациям в виде материальных или денежных ценностей были весьма значительны, добились согласия на то, что их, а также польские репарационные требования будут удовлетворяться поставками из зоны оккупации, но относительно размера этих требований не было принято никаких решений.

Западные союзники точно так же получили право в своих зонах производить демонтаж и вывозить собственность, но такая договоренность неизбежно делала бессмысленным сам принцип экономического единства, поскольку различные зоны экономически были неоднородны в отношении как промышленности, так и сельскохозяйственного производства. Она также делала бессмысленным принцип оплаты импорта за счет текущего производства, поскольку позволяла оккупирующим странам разрушать источники производства.

Германию можно было грабить и доить, но это не могло продолжаться длительное время. Западные союзники вскоре поняли, что демонтаж возлагает на них обязательство обеспечить свои зоны импортными товарами, которые должны быть оплачены за счет их собственных налогоплательщиков, поскольку немецкое производство было не в состоянии оплачивать расходы. Более того, демонтаж и вывоз, проводимые русскими в широких масштабах*, наряду с серьезными нехватками в самом СССР налагали на западных оккупантов и их налогоплательщиков дополнительное бремя обеспечения русской зоны продовольствием и товарами первой необходимости. Хотя американцы, возможно, были готовы сами непосредственно помочь русским оборудованием для восстановления хозяйства, их возмущало, что русские обходным путем пользовались немецким оборудованием в конечном итоге за счет американцев; в то же время русские, со своей стороны, охотно брали в Германии то, что самолюбие не позволяло им принять от американцев.

Данный конфликт сопровождался разногласиями относительно политической структуры Германии и ее политических привязанностей. Британцы из прагматических соображений склонялись в пользу унитарной, а не федеральной структуры, скорее, по экономическим, чем по политическим мотивам. Главный интерес русских определялся стратегической целью: сохранить свои позиции в Восточной Германии.

Таков был необходимый минимум, который они впоследствии твердо отстаивали. Их заинтересованность проявилась более явно уже в результате первого значительного политического события в возрождающейся послевоенной Европе — выборов в Австрии в ноябре 1945 года, на которых коммунисты потерпели сокрушительное поражение. Чтобы прочно удерживать Восточную Германию,

* Напомним, однако, что Советским Союзом была спасена от уничтожения и вывезена в Москву для реставрации знаменитая Дрезденская галерея, известная шедеврами мирового искусства. Их и сейчас можно увидеть в Дрездене, в объединенной Германии, поскольку в 1955 году после огромной реставрационной работы за счет советского бюджета галерея была возвращена в качестве акта доброй воли в Дрезден, восстановленный ГДР. Этот город был практически стерт с лица земли силами англо-американской авиации за несколько месяцев до окончания войны. Это был акт возмездия, неоправданная демонстрация силы. В результате погибло 135 тыс. чел. мирного населения. Питер Кальвокоресси отзывался об этом событии так: «Бомбардировка была страшная, и она никогда не должна была иметь место». — *Прим. ред.*

русским следовало бы распространить свою власть на всю Германию, но уже после первых беспорядочных месяцев мира достижение этой цели стало более чем проблематичным.

Однако до тех пор, пока такая возможность сохранялась, Москва выступала за сильное центральное правительство Германии в надежде, что оно будет в руках Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), создание которой было попыткой иметь партию левого толка под коммунистическим контролем, предотвращая деятельность другой социалистической партии. Отказ от этой политики произошел после того, как Советам стало очевидно, что объединенная Германия будет не более коммунистической, чем была после 1918 года. Они также отказались и от федеративного варианта решения по Германии в пользу политики двух Германий.

В поддержку Германии как федерации со слабым центральным правительством выступили французы. Не будучи в состоянии сами установить какой-либо контроль над Германией и сомневаясь в том, что их союзники смогут удерживать его длительное время, французы хотели создания слабого германского государства, разоруженного и обессиленного внутренней политической раздробленностью. Им также нужен был уголь для осуществления планов собственно восстановления и Саар.

Политическая картина менялась поэтапно. Сначала Жорж Бидо, будучи министром иностранных дел, неохотно признав враждебность в отношениях между СССР и западными союзниками, связал судьбу Франции с последними и согласился с созданием нового западногерманского государства, включающего французскую зону. Затем Робер Шуман в более широком европейском контексте стремился добиться дружбы с немцами, а Рене Плевен, также действуя в европейских рамках, согласился с умеренным перевооружением Германии. Наконец, де Голль, развивая политику примирения Шумана, заключил со старым коллегой Шумана Конрадом Аденауэром двусторонний франко-германский альянс.

Через три года после Потсдамской конференции оккупационные державы, которым не удалось разработать согласованную политику в отношении Германии, постепенно отказались от идеи ограничивать ее, стремясь перетянуть на свою сторону. Они заменили принцип сотрудничества принципом соперничества.

На двух конференциях министров иностранных дел в 1947 году (в Москве в марте и в Лондоне в ноябре) не удалось выработать мирный договор, который должен был быть заключен. В том же году, который был также годом доктрины Трумэна и плана Маршалла, американская и английская зоны были объединены и образован Экономический совет из 54 членов.

На следующий год американцы и англичане сделали решительный шаг с целью превращения их объединенной зоны в платежеспособную и автономную парламентскую демократию. Количество членов Экономического совета удвоилось, при нем была создана вторая палата. Кроме того, был разработан план по интернационализации Рура, чтобы снять опасения у тех, кому было трудно «переварить» возрождение суверенного германского государства; американцы и англичане девальвировали марку в своих зонах, осуществив долго обсуждавшуюся и необходимую реформу, которой препятствовали русские, ссылаясь

на принцип экономического единства; а в Бонне собралась Учредительная ассамблея.

Эти меры были дополнены в апреле 1949 года, когда французская зона объединилась с англо-американской. Западные оккупационные власти поддержали эту объединенную зону (представлявшую собой зарождающееся государство) американской финансовой помощью и реформой валюты и подготовились к тому, чтобы распространить новую марку в своих секторах в Берлине. В этот момент русские решили бросить вызов всей западной политике сепаратного развития западного германского государства. Они выбрали Берлин, где у них была особая позиция.

Берлин был исключен из зональной системы и поставлен под управление отдельного, объединенного союзного органа. Город был разделен на четыре сектора, которые не имели, однако, административной автономии зон. Позиция русских в Берлине определялась двумя моментами.

Именно русские первыми вошли в город за несколько дней до капитуляции Германии и еще до прибытия американских и английских подразделений ввели в оборот клиринговый рубль, организовали нормирование продовольствия, создали новые местные органы власти и полицейские силы; кроме того, зональные границы превратили Берлин в анклав внутри русской зоны, отстоящий на 260 км от ближайшего пункта под английским контролем.

Впоследствии было много споров относительно отсутствия у западных союзников предусмотрительности и политического здравомыслия, когда они позволили русским первыми войти в Берлин и приняли фактическую изоляцию города, не обеспечив четко и официально определенных прав доступа в него. Хотя и необходимо сделать определенную поправку, учитывая характер и настоятельные потребности сотрудничества в период войны, можно почти не сомневаться, что американцы и англичане добивались бы иного, если бы понимали, что фактически сдают Берлин Москве только за право находиться в нем под их присмотром*.

Берлин был основным пунктом, где русские предприняли попытку захватить контроль над Германией, которая, начавшись при благоприятных обстоятельствах, вскоре провалилась. Социалисты отказались от слияния с коммунистами в единой партии и вместо этого сформировали антирусскую коалицию, которая на выборах в октябре 1946 года сорвала замысел Советов передать управление городом в руки коммунистов. В 1947 году социал-демократ Эрнст Рейтер, бывший коммунист, был избран мэром в результате знаменательной борьбы, в которой западные оккупационные власти явно, хотя все еще осторожно, солидаризировались с Рейтером против русских и коммунистов.

Независимая политическая жизнь города возродилась прежде, чем русские смогли задушить ее, так что, хотя стратегические позиции Москвы и оставались прочными, ее политическое положение не было непоколебимым, а западные оккупационные власти еще и оказались в долгу перед берлинцами за их антирусскую деятельность. Учитывая эту спонтанную помощь, западные оккупаци-

* В действительности у англо-американских союзнических сил не было никакой возможности указывать или препятствовать продвижению советских войск на Берлин и их последующему вхождению туда. — *Прим. ред.*

онные власти позднее считали себя обязанными отстаивать независимость Берлина от русской зоны и ее преемницы — Восточной Германии (ГДР).

Шаги, предпринятые западными оккупационными властями в 1947–1948 годах по созданию западногерманского государства, угрожали амбициозным планам русских, стремившихся сохранить территориальную целостность Германии и сделать всю страну коммунистической, и в то же время готовили возрождение в мировой политике независимой германской державы, вооруженной и враждебной СССР.

Москва, в полной мере оценив смысл этих тенденций, решила прибегнуть к силе, чтобы остановить такое развитие событий. Были перекрыты шоссейные, железнодорожные и водные пути, по которым западные оккупационные власти сообщались с Берлином, а также приостановлено регулярное снабжение западных секторов продовольствием, электричеством, газом и другими предметами первой необходимости, поступающими с востока.

Правовое основание для беспрепятственного использования путей сообщения с Берлином было действительно расплывчатым, и к тому же оно не имело смысла в плане пробы сил. Западные оккупационные державы, рассмотрев и отвергнув возможность защиты своих прав с помощью вооруженного конвоя при проезде из английской зоны до границы города, решили вместо этого прорвать блокаду русских по воздуху, вынуждая их открывать огонь первыми. Они также установили контрблокаду советской зоны, а американцы направили часть бомбардировщиков дальнего действия на аэродромы в Англии.

С июля 1948 по май 1949 года американские и английские воздушные силы перевезли более 1,5 млн т продовольствия, топлива и других товаров в Берлин (наибольший вес груза за один день превышал 12 тыс. т), таким образом обеспечивая потребности всего гражданского населения блокированных секторов, а также их западных защитников.

Это было вдвойне экстраординарное предприятие и по своей эффективности, и из-за того, что оно привело не к открытым военным действиям, но к поражению русских, снявших 318-дневную блокаду в мае в обмен на обещание провести еще одну конференцию по Германии, которая состоялась в Париже, но оказалась безрезультатной.

После того как западные государства одержали верх в конфликте вокруг Берлина, последовало превращение западной зоны Германии в суверенное государство, ставшее вооруженным членом европейско-американского альянса против СССР.

Таким образом, 20 сентября 1949 года образовалась Федеративная Республика Германия со столицей в Бонне, и доктор Конрад Аденауэр стал ее канцлером. Примкнув к западному лагерю, Аденауэр тем самым молчаливо согласился отложить воссоединение Германии. Оккупационный статут и серия соглашений (Петерсбергские соглашения) определили отношения между новым государством и западными державами, но в некоторой степени ограничили его суверенитет.

Однако эти детально разработанные положения не имели значения по сравнению с тем знаменательным фактом, что большая часть Германии вышла из-под объединенного контроля ее завоевателей и примкнула к новому антикоммунистическому западному альянсу.

Ровно через год после провозглашения Федеративной Республики ее перевооружение стало реальной задачей. В результате войны в Корее, начавшейся в июне 1950 года, американцы убедили сначала себя, а также с большим трудом англичан, французов и Аденауэра, который вначале возражал, что Федеративная Республика должна внести свой вклад в вооружение Запада.

НАТО и Советская империя до кубинского кризиса

Альянс западных государств, который предназначался для ведения холодной войны, возник 4 апреля 1949 года, во время блокады Берлина. Двумя годами раньше такой альянс казался бы невозможным из-за влияния коммунистических партий Франции и Италии, но в течение 1947 года коммунисты были изгнаны из правительств этих двух стран, вопреки мнению о том, что государственные структуры не смогут функционировать без коммунистического участия.

Североатлантический договор стал ассоциацией 12 государств, которые заявили, что вооруженное нападение на одного из них в Европе или в Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них всех, и каждое из них в таком случае придет на помощь подвергшемуся нападению союзнику, приняв меры, какие сочтет необходимыми, включая применение силы.

Этот договор распространялся на территории всех подписавших его государств в Европе и Северной Америке, на Алжир и острова, на суда и летательные аппараты любого участника в Атлантике к северу от тропика Рака; договор вступал в действие также при нападении на оккупационные войска любого участника союза в Европе. Греция и Турция присоединились к альянсу в 1953 году, а Федеративная Республика Германия — в 1955 году.

Создание НАТО подтвердило распад союза военного времени. Оно было вызвано страхом перед агрессией со стороны Москвы, усугубленным отвращением к характеру русского господства в Восточной Европе, перерастающим во враждебность бессилием в решении германского вопроса, уязвимостью Западной Европы в результате нанесенного войной ущерба и слабости ее военного потенциала, а также неудачной попыткой придать международный характер контролю над атомной энергией.

В 1945 году американский военный потенциал не имел себе равных даже без ядерного оружия, но в последующие годы в результате проведенной американцами демобилизации ситуация изменилась. В то время как американское превосходство гарантировалось ядерной бомбой, русские, не проведя демобилизации, добились превосходства в численности боеспособных сухопутных войск в Европе.

Таким образом, все будущие попытки провести разоружение срывались из-за невозможности произвести сопоставления подобного с подобным; оборона Западной Европы ставилась в зависимость от ядерной мощи и ядерной стратегии, и в конце концов концепция коллективной обороны Западной Европы породила разногласия по поводу межсоюзнического контроля над ядерным оружием. Если в 1945 году имела некоторая обеспокоенность, а со стороны русских — определенные упования в связи с возможным уходом американцев из Европы,

то через четыре года Соединенные Штаты официально взяли на себя главенствующую роль в европейских делах на следующие 20 лет.

Слишком поздно поняв, что произошло, Сталин предложил в 1948 году вывести из Германии все иностранные войска, однако его предложение было воспринято как простая уловка, с тем чтобы заставить американцев предпринять длительное путешествие, из которого они бы не вернулись, тогда как русские оставались бы на расстоянии, позволяющем нанести удар по Германии. До тех пор пока Германия оставалась спорной территорией, Соединенные Штаты не покидали ее. Это в конечном счете и определило место Западной Германии в НАТО, рядом со своими недавними противниками.

Холодная война была коротким эпизодом в истории Европы, но в то время она выглядела как нечто перманентное благодаря колким и жестким метафорам, при помощи которых она изображалась. Два определяющих события периода холодной войны произошли уже в 1946 году: это февральская речь Черчилля в Фултоне (штат Миссури) в присутствии Трумэна и сентябрьская речь госсекретаря США Джеймса Ф. Бирнса в Штутгарте.

Эти речи продемонстрировали, что трехсторонний альянс военного времени сменился новой схемой — двое против одного и что Соединенные Штаты, далекие от мысли повернуться к Европе спиной (несмотря на сокращение там американских вооруженных сил с 2,5 млн до немногим менее 0,5 млн чел. на момент фултонской речи), считали ее важной сферой своего влияния. Хотя Трумэн должен был смириться с фактическим исключением США из Центральной и Восточной Европы, тем не менее с помощью своей доктрины, провозглашенной в марте 1947 года, он обеспечил своей стране устойчивое положение на Балканах и Ближнем Востоке, переходя к укреплению антикоммунистических и антирусских позиций в Западной Европе посредством экономической помощи и военного альянса, воплощенных в плане Маршалла и Североатлантическом договоре. Это было началом политики сдерживания, имевшей целью обуздать мощь русских и изменить их намерения, однако через год с небольшим после подписания Североатлантического договора политика сдерживания (в сущности европейская) была осложнена событием вдалеке от Европы: началом войны в Корее. Она оттянула часть вооруженных сил, предназначенных для сдерживания коммунизма в Европе, и превратила политику сдерживания из европейской почти в глобальную.

Корейская война, со своей стороны, еще больше накалила ситуацию. В Соединенных Штатах ее рассматривали как подтверждение мифа об огромном коммунистическом заговоре с целью завоевания всего мира. Сенатор Джозеф Маккарти, утверждая, что этот заговор проник в само правительство Соединенных Штатов и другие центры влияния, активно повел отвратительную клеветническую кампанию.

Маккарти и его помощники стали шантажировать ключевые группы государственных служащих, объявляя коммунистом (или гомосексуалистом) каждого, кто не придерживался их крайних взглядов на то, как должен думать лояльный американец. В результате многие претерпевающие гонения американцы вынуждены были уехать, а некоторые кончили жизнь самоубийством.

Маккартистская кампания деморализующе сказалась на разработке и осуществлении американской внешней политики, прежде чем маккартизм был по-

давлен усилиями ряда мужественных деятелей, а также из-за собственных крайностей и благодаря сохранившемуся здравому смыслу американского народа (но без существенной помощи со стороны его инертных избранных лидеров).

Такая обстановка, несомненно, отразилась на американской предвыборной кампании 1952 года, в ходе которой республиканцы, пытаясь вновь завоевать впервые после 1932 года президентский пост, выдвинули своим кандидатом генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра. Главным республиканским экспертом и глашатаям по иностранным делам был Джон Фостер Даллес, вскоре ставший государственным секретарем.

Помимо маккартизма были и другие основания ставить под сомнение правильность внешней политики демократов. Соединенные Штаты оказались втянутыми в тяжелейшую войну; СССР в ней не участвовал; казалось, политика сдерживания оборачивалась миром для русских, которых, хотя им и мешали осуществить экспансию, по-прежнему ничто не сдерживало в обращении с сателлитами, чья судьба тяжелым камнем висела на совести американцев.

Предвыборные речи Даллеса создавали впечатление, что республиканцы окажут помощь поработенным народам Восточной Европы и каким-то образом освободят их от русского господства. Это был вклад Даллеса в избирательную кампанию республиканского президента, рассчитанный на американцев, имеющих восточноевропейские корни, но после победы республиканцев об этом быстро забыли. Вместо этого Даллес по-прежнему проводил политику сдерживания, заполняя разрыв между НАТО и позициями США в Японии путем содействия созданию Организации договора Юго-Восточной Азии (далее — СЕАТО) и Багдадского пакта.

Он также пытался преодолеть слабости политики сдерживания, критикуя ее за то, что она отдавала инициативу русским и ограничивалась пассивным ответом на их шаги, и разрабатывал стратегию массированного возмездия, которая должна была применяться в любое время и в любом месте по усмотрению американцев. Но когда в Индокитае в 1954 году Соединенным Штатам пришлось выбирать между массированным возмездием и молчаливым согласием на поражение союзника, они выбрали последнее и таким образом признали, что массированное возмездие содержит значительный элемент блефа.

В Европе Соединенные Штаты, успешно присоединив Западную Германию к НАТО, признали как непреложный факт, что русских невозможно вытеснить из Восточной Германии, которая превратилась в коммунистический придаток русской империи в Европе. Пройдя через аналогичные этапы — Экономический совет, парламент, конституцию, выборы президента (Вильгельм Пик) и премьер-министра (Отто Гротеволь), — восточная зона в октябре 1949 года стала отдельным государством — Германской Демократической Республикой.

Интеграция Западной Германии в западный лагерь привела к окончанию оккупации и переговорам о заключении соглашений, которые объединили бы Федеративную Республику в союз с другими западными государствами и позволили последним держать под контролем процесс перевооружения Германии. Три главные западные державы предложили прекратить оккупацию Федеративной Республики, если она присоединится к Европейскому оборонительному сообществу, в котором национальные вооруженные силы будут находиться под международным контролем.